

КРУГЛОЗОР

КАК
СТАТЬ
ЗВЕЗДОЙ?

Индекс 70461 ISSN 0130 — 2698

Индекс 70461

Чекисты против Сталина
Золотой фонд МХАТа. Читает В. Яхонтов.

Оперные премьеры Любови Шарминой
Выбор Ларисы Трухиной — народная песня

Анни Жирардо. Щедрость таланта
Группа «Альянс» — романтики рока

СЛУШАЙТЕ В НОМЕРЕ:

Авторские песни Зои Яценко
Открытие фестиваля «Песни моря»

Незабываемый Нат Кинг Коул
Михаил Евдокимов — актер и пародист

Шинейд О'Коннор: новые записи
Алексей Глызин — кумир молодежи

МИХАИЛ СИНЕЛЬНИКОВ

С лава, шум, успех — ослепительный луч прожектора. Читательский взгляд загнипнотизирован этим лучом и невольно следует за ним. Но так много остается за кругом света и теряется — порой на долги годы.

Мне понятно, почему луч 60-х не высветил Михаила Синельникова. Он искал в поэзии красоту, а время гонялось за правдой. Он, как бабочку, держал на ладони метафору, а время призывало жечь сердца раскаленным глаголом. Он, слоено щегол, прищепкивал языком, не спеша пробовал на вкус каждый звук, а время, захлебываясь от желания высказать наиболее лучшее, торопливо проглатывало слова и целые фразы... Вот и не совпал поэт со временем. Зато освободился от сиюминутного, случайного, наносного и подобно герою гумилевского «Заблудившегося трамвая» получил возможность путешествовать по векам и странам, переживая эти путешествия так же реально, как поход за хлебом в соседнюю булочную. А эта свобода привела, в свою очередь, к тому, что и в экзотических сюжетах, и в самых «роскошных» поэтических оборотах проступило «шершавое» настоящее, прорывающее душу, как кожу.

Александр ЛАВРИН

ОЗЕРО ПАЛЕОСТОМЫ

Пустынны берега Палеостомы,
Здесь рыбами покрытая земля
Дрожит и в смертной движется
истоме,
Хвостами иступленно шевеля.

Так сердце, частым схваченное
бреднем,
Сжимая, нежат руки рыбкам.
Кто был у женщины первым
и последним,
Тот жил и жил и умирал слегка.

КРОВЬ

Этой крови неостылой —
Капли, может быть, одна...
Но Рязань и Палестину
Пересилила она.

Мощью полчищ неоседлых,
Красным рокотом кострищ...

Працур в ордынских седлах,
Я без вашей крови нищ.

...Родич! Вор, мисник
и плотник,
Белозубая цинга,
Ты — и боду не работник.
Ты — и черту не слуга!

Родич! Мученик, бродяга,
В речи — мертвый плеск Невы.
Не к добру, ты прав, отвлага
Зачумленной головы...

Я сойду с алтайских склонов,
Принесу я суховой
В край мечетей оскверненных
И расхристанных церквей.

Чтобы цвел в неугасимых
Пламенах и термах
Материнский град Касимов
На своих семи холмах!

Сквечем мы в садах немолчных,
И летит, костры палая,
В белых, розово-молочных,
В гиблых яблоках земля.

ИМЯ

В ревущей буре Куры, ликун, —
Водоворотов рукоплесканье...
Под гул чоигури

И над дугами, и над песками,
им вслед бегу я

О, в этом сильном круговороте,
Ваагстолобивою, крутам

Раздолье свежей, покорной
плоти,
Блаженной смерти, звериной
неги.

О жизнь слепая, ты —
отраженье
Вершия и храмов, долин и хижин.
То мир — в тревоге,
в передвиженье,
То вновь зеркален
и неподвижен.

Войди в теченья, смежан веки.
В миг омовенья забудь
мгновенье.

Рошни руки в родные реки,
Как дуновенье, прими забвенье.

Давно, Хялдея, твои колена
В земле Колхиды свой плен
забыли.

И только пена, речная пена
Летит сквозь время,
как туча ныли.

В огне и дыме родятся реки,
Ведут пророков пути прямые!
И только им гремит вовеки:
Иеремия!

Иеремия!

ТЕНЬ

Свиданий наших тень легла
На эти старые ступени,

Где жизнь прошла, как тень
сквозь тени,
И ожиданьем вест мгла.

И за мелькнувший миг свободы,
За все, что сожжено дотла,
Уже на будущие годы
Свиданий наших тень легла.

На голубые вечера,
На дальние моря и горы,
Гостиничные номера
И похорошские конторы.

СОБАКА

Собака уличной была,
Там что-то сна и шила,
В гризи спала, щенков забыла...
Глядит из темного угла
И благодарно, и уныло.

Заварен нюх, и слух ослаб,
И не отмоешь этой псинья,
И прав Гомер: тот духом раб,
Кто ведал рабство день единый!

И утешения печаль
Юлит и лижет мне ладони.
Низка. И все же было б жаль
Увидеть мне ее в фургоне.

Но крючник не придет, о, мек,
За этим космосом бродячим.
Дадут и номер, и билет,
Ошейник есть, налог уплачен...

Зачем я молодость сгубил?
Зачем я этой жизнью жил?
И дальше выгнать смогу ли,
Когда уносит жизни пыл
Пеленки, кошки и кастрюли?!

Я вижу юность, синий май,
И вспоминаю почему-то
Глухой пустырь и хриплый лай
Из Павловского института.

РИКША

Поскольку, разменив мечту,
Я только улицу мегу
У маленького храма,
Я вижу дно людской реки,
Босые ноги, каблучки
И рикши красные плевки.
Детищие упрямю.

Он знает, городом больной,
И жизни жар, и смерти зной.
И, словно бы в угаре,
Он убегает в мир иной,
И реет за его спиной
Богиши в белом сире!

Что смерти дым и жизни мгла,
Пока тележка вжелея!
И ночь, волнуясь, протекла,
И день струится сизо.
И сам хочу сквозь бытотроту
Две эти палки на лету
Схватить и с бетелем во рту
Бежать в живую пустоту
За пригоршню риса.

М. В.

Американский социолог Леонид Хотин недавно воскликнул в прозрении: «Я понял очень важную вещь. Просто люди в СССР живут в состоянии непрекращающегося стресса... Кошмарны беззаконие, беспорядок, невозможность понять, что можно, а что нельзя...»

В последнее время к злополучному дефициту добавилась наша гипертрофированная политизированность. Поглощенность событиями, разноликой, но неизменно тревожной информацией, которую десятки раз в течение дня на все лады смакуют пресса, телевидение и радио, превращают нас в каких-то странных существ, живущих в странном мире.

Может, еще и поэтому неудавшийся переворот в августе многим не показался странным. Интересно, что в некоторых публикациях прослеживается некая связь между «переполитизацией» общества и растущей преступностью, которая, как оказалось, способна проникнуть даже в высшие эшелоны власти. Теперь мы понимаем, к чему может привести приоритет политических страстей и амбиций над общечеловеческими ценностями. Однако поток пристрастных толкований в прессе не утихает. Порой хочется закрыть глаза и заткнуть уши, отбросить прочь газеты и отключить радио, но вместо этого все ловчее с каждым днем перели-

стываешь свежие номера газет и журналов, крутишь ручку радиоприемника, минуя, не глядя и не слушая то, что не кричит о злобе дня, — статьи и очерки, рассказы и романы.

Так длится уже не первый год. А жизнь, между прочим, идет. Давайте же на миг остановимся и задумаемся.

Мы верим, что, как говорил Даниил Хармс, жизнь снова победит неизвестным способом. Но происходящее не грозовая туча, которую можно без труда переждать под навесом.

Мы находимся на труднейшем перевале своей драматичной истории, миновать который не сумеем ни за год, ни за три, ни за пять лет. А в обозримом будущем — дай нам Бог перестать катиться вниз!

Для молодых людей эти несколько лет — лучшая пора жизни, которая никогда не повторится для них. Будет, конечно, много всего, в том числе, надеемся, и хорошего. Но другого. Жизнь, как река. Вода течет, и мигом позже она перед тобой другая.

А если говорить о старшем поколении, то хорошо, коль ему удастся при жизни хоть что-то увидеть из того, о чем оно тщетно мечтало десятилетиями.

Так что же — просто существовать? Нет, жить!

ЗАМЕТКИ РЕДАКТОРА

ЖИТЬ, ЧТОБЫ ЖИТЬ...

Великая Отечественная война была долгой и изнурительной. Но даже там, на войне, в затишные времена продолжалась жизнь. С неподдельным счастьем от каждой маленькой победы, хотя и понимали, что для одной большой их нужно великое множество. С радостями изредка случавшейся короткой любви, дружеского застолья в сумеречном свете коптящей гильзы и даже перехватывавшей дыхание музыкальной просыпающейся природы. А сейчас, слава Богу, не война, хотя неудавшийся переворот долго еще будет гореть в памяти тревожным огоньком.

Трудное время не должно отвратить молодых и пожилых от естественных, доступных радостей. Жить, чтобы жить, — это не так уж мало и не так уж плохо.

И еще об одном. Сколько ни существует человек, ничто не может заменить ему потребности в труде, и наслаждение полезным результатом усилий своих рук и ума — одно из самых больших. Сегодня особенно хочется напомнить об этом, ибо за вспышками будоражающих событий и перемен мы сильно отвлеклись от дела. Дела, которое нужно не только всем нам вместе своим материальным результатом, но и каждому в отдельности результатом моральным, духовным. Без этого усугубится пустота на прилавках, пустота в душах.

Крепкое рукопожатие, острый молодой взгляд, фантастическая память на факты, события, даты, мельчайшие подробности семидесятилетней давности заставляют вновь и вновь удивляться и заглядывать в его анкетные данные, дабы еще раз удостовериться, что Борис Игнатьевич Гудзь и впрямь почти ровесник века. В его судьбе, как в зеркале, отразились наиболее значительные и драматические моменты истории Страны Советов...

Внук солдата, служившего верой и правдой еще царю-батюшке Александру III, он по иронии судьбы свои первые в жизни шаги сделал в ссылке в Архангельской губернии, куда за революционную деятельность против самодержавия был отправлен его отец.

Одно из самых сильных воспоминаний детства у Бориса — это ощущение постоянной опасности: четырехлетнее пребывание в подполье после событий 1905 года было сопряжено с постоянными переездами, частыми обысками и арестами. Кто знает, быть может, эта причастность семьи к бунтарям и народовольцам и предопределила будущую судьбу мальчика:

с младых ногтей он усвоил законы конспирации, классовый бой и горел идеей установления социальной справедливости революционным путем.

Февральская революция 1917 года застала Бориса Гудзя в оружейной Туле, где пятнадцатилетний юноша, опьяненный событиями и обуреваемый желанием действовать, с группой студентов-сверстников арестовывает начальника тульского жандармского управления генерала Излиту фон Вольского.

Не случайно на арену политической борьбы в те годы выходили юные бойцы. Стремительность событий, происходящих в России, рано сформировала их характеры, свое понимание гражданского долга, личной роли в судьбе страны. В семнадцать лет Борис Гудзь — на Западном фронте, в восемнадцать — в армейской школе военных мотористов, в двадцать — получает приглашение на работу в ОГПУ от самого А. Артузова.

«...С семьей А. Х. Артузова я познакомился в раннем детстве, а когда в 1922 году Артур Христианович пригласил меня на работу, он уже был членом Коллегии, начальником контрразведывательного отдела ОГПУ. Это был настоящий интеллигент, интеллектуал, высочайший мастер психологической разработки,

что впоследствии доказал, руководя проведением знаменитой операции «Трест», в которой и мне пришлось принимать определенное участие. Да и вся моя дальнейшая судьба и карьера были теснейшим образом связаны с А. Х. Артузовым. Он был мне и учителем, и наставником, и строгим судьей, и советником, и добрым старшим другом. Это был человек кристально чистой совести...»

Стиль работы Артузова предполагал не только неукоснительное следование духу и букве закона и тщательную разработку каждой операции, но и интеллектуальную игру ума, позволяющую запутать противника.

«...Помню, вел дело поручика Потехина, прибывшего из-за кордона с целью проведения акций индивидуального террора против крупных государственных и общественных деятелей страны. Кроме сигнала о том, что он должен прибыть в сопровождении другого белогвардейского офицера, мы ничего не знали. Потом выяснилось, что у него есть сестра в Капуге. Установили за ее квартирой наблюдение. Постепенно вышли на дом в одном из подмосковных дачных поселков, в котором скрывалась группа. Захват проводили на Николаевском (ныне Лени-

градском) вокзале. Никогда не забуду его лица. Он страшно боялся ареста и ужасов ОГПУ, поскольку при засылке был проинструктирован — лучше пулю в лоб, чем арест: попадешь в ЧК — замучают пытками. Однако, увидев совершенно нормальное, человеческое отношение со стороны сотрудников отдела, Потехин был настолько растерян и потрясен, что рассказал буквально все и о себе, и о центре по подготовке и засылке террористов».

Между тем фатальная неизбежность исторического процесса уже опускала над страной зловещие сумерки тоталитаризма. Постепенно с конца двадцатых годов в работе ОГПУ начинает насаждаться новый метод: исподволь раскручивается механизм сталинских репрессий. Первой моделью нового «метода», пожалуй, может служить «шахтинское дело», которое, по существу, стало сигналом к появлению, как грибов после дождя, в разных регионах страны так называемых «вредительских дел», сфабрикованных по одному образцу и подобию с легкостью, которая не могла не насторожить честных чекистов. Уж слишком легко все получалось

-Сталин не мог не знать о репрессиях, он сам нацопивал ОГПУ на так называемых «врагов народа», — уверен Б. И. Гудзь. Слушайте первую звуковую дорожку.

СУДЬБА РЕЗИДЕНТА

Фото
Л. ЛАЗАРЕВА

у новых «выдвиженцев». Начались ставшие теперь печально знаменитыми «процессы»...

К тому времени из-за болезни Менжинского руководством и всеми делами ведомства завладел Ягода. В этой ситуации видные чекисты, представители «старой гвардии», такие, как Я. Ольский, И. Воронцов, Е. Евдокимов, и многие другие, занимавшие принципиально честные позиции, выступили против фабрикации «липовых» дел. Вскоре они все были отстранены от работы и впоследствии расстреляны как «враги народа» и «империалистические шпионы». Старые кадры постепенно начали вытесняться «более способными», по мнению нового руководства органов.

Неведомо, какая участь ожидала и самого Гудзя, если бы он по собственной инициативе не попросился в глубинку. В это время в Восточной Сибири возникла сложная оперативная обстановка. Маньчжурию захватили японцы, и Забайкалье превратилось в пограничный край. Не выразив особого сожаления, новое руководство направляет Бориса именно туда.

Артузовская школа, богатейший оперативный опыт, приобретенный в период проведения «Треста», других известных дел, позволили Борису Гуддю довольно быстро и

точно оценить обстановку, а затем разработать и осуществить ряд масштабных операций. Наиболее значительная из них — захват полковника Топхаева, выполнявшего карательные функции в банде атамана Семенова. И сразу же он включается в новое дело: создает фиктивный «антисоветский центр» и с его помощью выманивает из Маньчжурии специальную группу японской военной миссии, целью которой было создание широкой разведывательной агентурной сети японцев на территории Забайкалья и Дальнего Востока. Однако выполнить операцию до конца ему было не суждено, поскольку из Москвы пришло распоряжение прекратить эту «волюнку», организовать процесс, шпионскую группу ликвидировать и тем ограничиться. Сумерки тоталитаризма продолжали сгущаться.

Отзыв Б. Гудзя в Москву не дал возможности завершить столь блестяще начатую операцию, сулившую большие перспективы на многие годы вперед. По приезде же в столицу он был просто ошеломлен мрачными признаками наступления иных времен. Профессионально «чувствующий» ситуацию А. Артузов, к тому времени ставший начальником Иностранного отдела, учитывая маньчжурский опыт Бориса, а быть может, и с целью предохранения от надвигавшейся опасности посылает его резидентом в Японию.

Работа в Японии в те годы была крайне сложной. Витавший в воздухе дух военно-фашистского переворота постепенно трансформировался в диктат военной верхушки. В стране запрещались политические партии и профсоюзы, велась охота за инакомыслящими. Волна японского национализма прокатилась по просторам всего азиатско-тихоокеанского региона, сопровождаемая кровопролитными конфликтами, в том числе и в непосредственной близости от границ СССР. Понятно, насколько важна и необходима была любая информация нашей резидентуры для верной ориентации политиков, дипломатов, военных.

«...Из Японии я вернулся в 1936-м, когда мне уже почти исполнилось 34 года. Я был полон сил и энергии, считал себя достаточно опытным чекистом и очень был рад встрече с Родной».

Но, оказавшись в Москве, я узнал, что Ягода ловко спровадил Артузова из органов в Разведупр Красной Армии под предлогом его «усиления», а новый начальник Иностранного отдела Слуцкий сразу же отправил меня в отпуск, даже не приняв меня лично и не поинтересовавшись, каково же положение дел в Японии. Ему было не до этого: шла активная подготовка процесса по делу Каменева и Зиновьева. (Симптоматично, что и сам Слуцкий в 1938 году умер при странных и до конца не выясненных обстоятельствах.)»

И вновь в который раз Артузов принял участие в судьбе Б. Гудзя, взял его к себе в Разведупр, в Восточный отдел. Работа была исключительно важной и интересной: именно в то время в рамках отдела проводилась знаменитая операция «Рамзай» по установлению и отслеживанию линии Берлин — Токио. Борис поручили курировать деятельность Рихарда Зорге.

Однако и это длилось недолго. Меч, занесенный над головой учителя, тенью своей коснулся и ученика. Артузова арестовали. По времени это совпало с арестом сестры Бориса «за контрреволюционную деятельность», которая заключалась всего лишь в неосторожной дневниковой записи о мрачной личности Сталина. За подобную вольность и смелость «свое суждение иметь» полагалось десять лет лагерей. Она выдержала только пять, успокоив свою гордую и мятежную душу в братской могиле где-то на Колыме...

В скором времени, как и следовало ожидать, Бориса Гудзя увольняют из Разведупра «по недоверию» с припиской: «работа на режимных объектах нежелательна». А поскольку «режимными» в то время были практически все предприятия, то «близкому и доверенному лицу врага народа» места нигде не находилось.

Остается только удивляться его везению. Однажды Борис узнал, что в одном из автобусных парков не хватает профессиональных водителей. Пришел попытаться счастья. Ни на что не надеясь, заполнил анкету из четырех вопросов и... был принят. Не помешало даже исключение из партии. Работал на линии «Белорусский вокзал — Черемушки». Никто из пассажиров, конечно же, не мог и предположить, что возит их по столице выпускник философского факультета Института Красной профессуры полковой комиссар разведки и недавний советский резидент в Японии. Борису Игнатьевичу Гуддю в то время исполнилось только 35 лет.

Говорят, что пути Господни неисповедимы... Спустя десятилетия справедливость восторжествовала. Борис Игнатьевич Гудзь вновь дотошно и скрупулезно работает в архивах, ведет обширную переписку, выступает перед молодыми чекистами. Он хочет, чтобы правда торжествовала всегда. ■

Игорь ЧЕРЕПАНОВ

На фото:
Б. И. Гудзь (слева)
и С. И. Хайбуллин —
контрразведчики.
1926—1927 гг.
Б. Гудзь. 1991 г.

Сияющим сопрано назвала лондонская газета «Таймс» певицу Любовь Шарнину после выступления в благотворительном гала-концерте на сцене Ковент-Гарден. Было это в декабре 1989 года, концерт давался в фонд пострадавших от землетрясения в Армении. Она проникновенно и страстно спела арию из «Аиды» Верди и сразу была приглашена в молодежный спектакль Северной оперы, ставившей «Аиду» в Манчестере и Бирмингеме. Второй благотворительный концерт состоялся во Дворце ООН в Вене. Из советских артистов в нем пели В. Атлантов, Л. Шемчук и Л. Шарнина.

Да, у нее дивной красоты голос — сильное, объемное лирико-драматическое сопрано мягкого, бархатного тембра. Не только голосом природа одарила певицу, но и тонкой, глубоко чувствующей душой художника. Вы убедитесь сами, прослушав записи на звуковой дорожке. Ведь никакой другой жанр искусства не выявляет человеческую сущность артиста, его личность так, как пение. Искренность исполнения Л. Шарниной, естественность манеры притягивают. Она женственная, обаятельна и в

вала в Большом театре на спектакле «Евгений Онегин».

В шестнадцать лет она открыла двери вокального класса, ее педагогом стала прекрасный музыкант Т. Н. Миронова. Это ей незадолго до ее кончины с надписью «Моему самому любимому педагогу, большому другу и настоящему человеку» подарит Люба первую публикацию о спектакле «Манон» в швейцарской газете с собственным портретом.

В Институте имени Гнесиных Шарнина училась у З. А. Долухановой. С первых шагов была самостоятельна, на все имела собственный взгляд и проявляла характер, многим казавшийся неудобным. Но именно он и любовь к пению заставляли ее упорно работать, преодолевая неверие и превратности судьбы.

Казалось, все хорошо. Диплом с отличием, в заочную аспирантуру поступила, поет в Москонцерте. О чем мечтать? Но хотелось испытать себя в конкурсах. В дипломный год конкурс имени Глинки не принес удачи: она сошла с третьего тура. Сошла, но выводы сделала.

Мало кто знает, что половина успеха певца — концертмейстер. В

ХАРАКТЕР — ЭТО СУДЬБА

жизни, и на сцене. Но за ее хрупкой внешностью таится характер настоящий и сильный.

В ее семье не было и нет музыкантов, но, несмотря на всеобщее засилье масскультуры, любят и до сих пор поют русские песни. Как немногие вокалисты, музыке обучалась с детства. А вокалом «заболела» лет с двенадцати, когда впервые услышала в живом звучании «Аве Мария» Шуберта и побы-

Москонцерте судья огела ее с пианистом Евгением Гутманом. Их обоих не устраивали легковесный концертный репертуар и выступления ради галочки при пустом зале. Хотелось работы творческой. Они начали готовить серьезные камерные программы, учить оперные партии, ведь, главной мечтой молодой певицы была оперная сцена. Люба самозабвенно слушала записи лучших певцов, особенно

На третьей звуковой дорожке слушайте в исполнении Л. Шарниной арию «В сердце печаль безмерна» из оперы А. Вивальди «Баллет» (фрагмент). Партия фортепиано — Е. Гутман.

3

На фото: Л. ШАРНИНА — Манон в одноименной опере Пуччини — на сцене и после спектакля в г. Базеле с партнерами; справа: она — Леонора («Трубадур» Верди) перед выходом на сцену.

своей любимой испанской певицы М. Кабалье.

В итоге в 1986 году, пройдя жестокий конкурс, Шарнина стала солисткой Московского музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко. В первые два года спела труднейшую Лиду в ранней опере Верди «Битва при Леньяно», девушку в японской опере «Трифи в Хиросиме», пылкую Недду в «Паяцах» Леонкавалло. Но ее манила русская музыка. Мечтала о Чайковском — Татьяне, Иоланте... Однако их ей петь не давали. Тогда она самостоятельно выучила партию Татьяны, показала худсовету и была введена в давно идущий спектакль. Доказав лирические возможности своего голоса, получила право на Иоланту и Лизу в «Пиковой даме».

Театр усиленно готовился к премьеры этой оперы, уже прошла генеральная репетиция, и вдруг... пожар на открытом дворе, где «хранились» декорации. Все сгорело. Спектакль, естественно, был отложен до лучших времен.

С самого начала к молодой артистке относились как будто хорошо. Она истово репетировала, пела генеральные, но премьерные спектакли чаще пели другие. Она понимала, что молодой артистке, публикующей свой путь в опере самостоятельно, без всякой поддержки, необходимо утвердиться. Да и хотелось испытать себя, почувствовать возможность.

Судьба, однако, не отличилась благосклонностью: после неудачи на конкурсе Глинки последовало новое фиаско, уже в Испании, на международном конкурсе Виньяса.

Сколько же сил, желания, какую волю надо было иметь, чтобы приготовить новую сложнейшую программу и вновь решиться на международное испытание!

В 1988 году Любовь Шарнина поехала на конкурс «Молодые оперные голоса» в Болгарию. Конкурс в Софии престижен и популярен во всем мире. Проводится он раз в четыре года и необычен тем, что помимо сложной, многоликой музыки разных эпох и стилей конкурсанты должны в третьем туре выступить в настоящем оперном спектакле, входящем в репертуар болгарского театра.

В конкуренции с шестидесятью претендентами из восемнадцати стран мира она за овладение золотую медаль и первую премию. Вот тогда и последовали приглашения на гала-концерты, фестивали и прослушивания импресарио...

После одного из них в Швейцарии с ней заключили контракт на премьеру и последующие спектакли оперы Пуччини «Манон» в театре Базеля. В ноябре 1989 года молодая артистка спела

свою первую премьеру за рубежом.

Вслед за «Манон» Шарнина спела в Лейпциге Дездемону в «Отелло», Леонору в «Трубадуре» Верди у режиссера Дель Монако, сына великого певца. В Цюрихе — Татьяну Чайковского.

— Люба, как организована западная контрактная система в театрах?

— Каждый спектакль, на который меня приглашают, идет от трех до тринадцати раз, потом снимается. И я пою все эти тринадцать спектаклей. А репетиционный период длится так же, как у нас, — около сорока дней. Четыре часа утром, несколько часов днем и четыре вечером. Итого около десяти ежедневно. Конечно, нелегко приходится. Но зато полное удовлетворение. Дома же я пою в театре примерно один раз в месяц, а спектакль существует годы. Мне интересно быть неостребованной и петь в полупустых залах перед вялой публикой.

Тем не менее Любовь Шарнина успевает петь и на родине, и за рубежом. В самом пока насыщенном для нее сезоне 1989/90 года она спела два сольных концерта, партию сопрано в знаменитом телефильме «Реквием» В. Артемова, с удовольствием взялась за партию Имоджин в опере Беллини «Пират». Этот спектакль имел большой успех — ходили на Шарнину. В эти дни она чувствовала себя счастливой и необходимой театру.

В жизни Люба — человек общительный, интересный собеседник. Путешествия с друзьями, знакомства с новыми городами доставляют ей радость. После музыки «самое прекрасное наслаждение — читать». Особенно любима русская литература — И. Тургенев, Л. Толстой, А. Чехов. Жизнь заставила заняться иностранными языками, но увлеклась и сейчас прилично излагается по-английски, учит итальянский и немецкий.

Любит природу. Зелень, тишина, струящаяся вода в реке — и отдых, и вдохновение!

За пять лет профессиональной жизни — тридцать оперных партий! Мало кто из молодых назовет такую цифру.

— Мне смешно, когда многие молодые люди спрашивают: «Как ты это добилась? Кто тебе помогает?» Никто мне не помогает. Я делаю все сама, — говорит певица.

Удовлетворена ли Шарнина собой? К чему стремится?

— Нет, я собой недовольна. Могла бы сделать гораздо больше, но встречались ситуации, когда главное уходило на второй план. Теперь я хочу быть занята все время. Хочу как можно больше петь.

Марина МАКСИМОВА

ПЕСНИ ДЛЯ СВОИХ

Зоя Яценко родилась в Полтаве, окончила факультет журналистики МГУ, сейчас живет в Москве и пишет песни. В них, по-моему, ощущается не просто высокая внутренняя культура, но и чрезвычайно свободное плавание в знакомой среде, наслаждение ею и возможностями собственного воображения.

Ее песни — еще одно подтверждение той простой истины, что в явлении искусства можно превратить все, что только способен представить себе человек. Но лишь когда он отмечен печатью таланта, такое превращение случается. Не всякий, наверно, решится передать в авторской песне свое видение... произведений классиков мировой литературы. Зоя Яценко пишет о Гоголе — и не впадает ни в молитвенный экстаз, ни в пафос общих мест. Или о Достоевском — и умеет не превратить песню в историко-литературный комментарий либо в водянистую реминисценцию.

*Все так же дымят заводы,
Безраздно смотрят лица,
Все те же сидят уроды,
Таких же судят убийц.
А те, кто уже судимы,
Все так же хотят свободы.
А те, что совсем свободны,
Глядят из окон больницы.*

(После прочтения «Подростка»
Ф. М. Достоевского.)

В текстах ее песен и даже в мелодии обязательно присутствуют так или иначе обыгрываемые заимствования, цитаты, намеки, и из всего этого получается одна Яценко присущая интонация самоиронической грусти, легкости и нежности.

Если считать авторскую песню фольклором городской интеллигенции, то песни Яценко этому требованию удовлетворяют вполне, потому что они умные и простые, не очень веселые, без тени претенциозности. Они написаны с той легкостью и изяществом, которые выдают... то-то и оно, что ничего они не выдают. Яценко — «вещь в себе». Она ни на что не жалуется. Она определенным образом относится к жизни, стараясь свая в чуждой среде сохранить. А какова ее собственная, настоящая среда — можно судить по песням.

Надо полагать, что песни Яценко — очень клановое искусство. Для кого-то это ругательство, для меня — наивысший комплимент. Лучшие ее вещи (по большому счету, их не так много, но и остальные — вполне «на уровне») рассчитаны на СВОИХ. Так и надо. И узнают эти СВОИ безошибочно: самоирония, печаль, несколько имен-паролей и еще нечто, без чего этих песен не было бы, но что объяснить нельзя. Что до меня, то я слушаю песни Яценко уже семь лет и вижу, что они становятся лучше. Хотя, если бы даже и не становились, мне хватило бы ее «Шарманки» и «Новогодней неподписанной», чтобы петь про себя в некоторые минуты моей жизни.

Д. БЫКОВ

На седьмой звуковой дорожке — песни Зои Яценко «Генералы гражданской войны» и «Комната» (фрагменты). Исполняют З. Яценко, О. Заливако и Т. Осипов.

Фото
И. НАСЕДИНА

Анни Жирардо — шестьдесят лет. Что писать о ней — бесспорно, самой у нас популярной французской актрисе? О том, что из ее 80 фильмов советские зрители видели чуть больше 10? Стало быть, для ее рейтинга нам хватило этих 10—12 картин... Стало быть, так. Для нашей всеобщей любви к Жерару Филипу в свое время нам потребовалось еще меньше лент и экранной информации: «Фанфан-Тюльпан», «Пармская обитель», «Большие мажоры», «Красное и черное». Вот и все. Правда, фильмов с Филипом ввиду его безвременной смерти было не так много.

Кстати, мне кажется, что в определенном смысле параллель характеров и «героических» амплуа Филипа — Жирардо вполне корректна. Благородство, быстрота реакции, спонтанная и разумная французская удаль и чутье ситуации, внутренний душевный компас, чья трепещущая стрелка беспрестанно указывает на «добро», — черты человека-актера Филипа ощутимы и в актрисе Жирардо.

Симпатия к ней в мире повсеместна. Франция же могла бы когда-то отобрать ее в качестве оригинала для своего медального, филателистического, монетного символа — Марианны. Денев, Матье, манекенщица Инес де ла Фрессанж — ряд очевидных красавиц, прототипов Марианны. Но если бы кандидатки в Марианны XX века держали экзамен еще и на живость речи, блеск логики и яркость языка, то на сантимах и франках надо бы чеканить клас-

занимать позицию на стороне слабого.

Пьеса кончалась занятным образом. Среди мальчишек, естественно, был один, который помогал убирать класс, приводил в порядок доску и, конечно, был влюблен в свою учительницу. Он считал также, что у любимого существа должна быть какая-то тайна и что эта тайна спрятана в сумочке мадам Маргерит. Когда же он тайком открыл ее, то нашел там косметику, конфеты и маленький револьвер. Такая точка: жизнь между сладостью и опасностью.

Но человек первым делом стремится к безопасности и надежности, и если взять начало пути Жирардо, то, несмотря на мечту Анни с детских лет о театре, она пошла вслед за своей мамой-медсестрой учиться по медицинской части. Она работала в госпиталях, больницах, общалась с врачами, нянечками, ходила на какие-то санитарные курсы. А учиться хотелось иному ремеслу — актерскому. И, видя это, мать в решительный момент поддержала дочь. Нашла ей бесплатную театральную школу, откуда уже был совершен прыжок в Центр драматического искусства и на актерское отделение Парижской консерватории, которую Анни окончила блестяще. Она немножко поработала в кабаре, попела и порассказывала там, и через некоторое время ее взяли в «Комеди франсез», где, как кто-то удачно сказал, она попала в плен к царившему в Доме Мольера александрийскому стиху, но постепенно из этого плена вырвалась.

А. Жирардо на съемках фильма «Руфь». Фото И. ГНЕВАШЕВА

ЛЮБЛЮ ЩЕДРОСТЬ, ЮМОР, ЛЮБЛЮ ПОМОГАТЬ...

сический галльский профиль Анни Жирардо.

Мне пришлось дважды беседовать с ней, и оба раза впечатление от разговора было пленительным — доброжелательство сквозило в каждом слове, каждой фразе, остроумие ее кипело! «Люблю щедрость, — говорила она, — люблю юмор, люблю помогать...»

Первый разговор состоялся лет 17 назад, когда я увидел ее в театре Монпарнас в Париже, в пьесе бразильца Роберту Арайде «Мадам Маргерит», переделанной на французский лад. Мадам Маргерит — учительница, и спектакль — это урок в школе, два часа преподавательского монолога в классе перед учениками 10—11 лет. По существу, выходило, что мадам Маргерит все время ссылаясь на факты жизни самой Жирардо, которая как раз в 10—11-летнем возрасте пережила оккупацию, насмотрелась на портреты Гитлера и Петена и рано поняла, что значит

И вот однажды после премьеры пьесы «Пишущая машинка» автор пьесы Жан Кокто пришел за кулисы и, обняв Анни, зашептал ей в ухо: «Послушай, я ничего подобного у нас не слышал и не видел, у тебя такой драматический темперамент, которого у нас давно не было».

Это была устная похвала, рекомендация, отзыв, что угодно, которые дорого стоили. Можно сказать, что с фразы Кокто и началась большая артистическая биография Жирардо — она более или менее известна и в основном связана с кинематографом. Я говорил о ее фильмах, шедших у нас. Называю несколько: «Рокко и его братья», «Жить, чтобы жить», «Старая дева», «Доктор Франсуаза Гайян», «Черный список», «Шантаж». Она снялась и в двух наших картинах — в «Журналисте» Герасимова, где заменила отказавшуюся от съемок Синьоре, и в телевизионной ленте «Руфь» Валерия Ахадова, сюжет

которой навеян реальной историей француженки, пианистки Веры Лотар-Шевченко. Эта женщина, замечательный музыкант, занимавшаяся у Корто, у учеников Листа — д'Альбера и Эмиля Зауэра, объехавшая с концертами весь свет, вышла замуж за советского человека, который увез ее в СССР. Здесь он был расстрелян, а она отбыла срок в лагерях. Француженку должна играть француженка, и авторы фильма послали телеграмму Жирардо с просьбой принять участие в работе над картиной. Она согласилась, приехала и во время съемок в Москве дала мне интервью, которое нигде не публиковалось. Выдержки из него — перед вами.

— Что скажете о судьбе вашей героини?

Жирардо: Судьба потрясающая. Муж погиб. Она провела Бог знает сколько лет в лагерях. У пианистки одеревенели руки. И она осталась

На пятой звуковой дорожке вы услышите песни в исполнении Анни Жирардо: «Это не дает мне заснуть» (Ролан Вексан, Шарль Левель) и «Дети райка» (Ме Жильбер, Шарль Левель).

5

К 60-летию Анни Жирардо

на этой земле, никуда не уехала. Постепенно вернулась к музыке. на ее концерты в Москве и Ленинграде нельзя было попасть. Ведь во Франции сравнительно недавно начали широко говорить о репрессиях в СССР. Я, например, знала о советских лагерях, но что там происходило в действительности, я не знала. Ведь это хуже, чем то, что делал Гитлер. То, что Сталин подавлял, разрушал, убивал, — это ужасно. Я была на спектакле об этом в «Современнике» и была просто ошеломлена, говорила только: «Ужас, ужас все это...» Хорошо, война была бедствием. Но ведь это было и до, и после войны...

— *Может быть, террор — правило революций, в том числе и вашей Великой французской...*

Жирардо: Не думаю, что с именем Сталина можно связать революцию. Скорее — контрреволюцию. Другое дело, когда революция что-то меняет, бывают и перемены. С той или другой стороны. При Гитлере не было никакой революции. У власти оказался убийца-маньяк. Но Сталин все скрывал, все прятал. Мир ничего не знал. И ведь он думал не о вере, не о какой-то высшей необходимости, он думал только о себе. Ему надо было убить всех, чтобы остаться одному, быть первым посреди пустоты. Когда я узнала обо всем этом, передо мной встал вопрос: «Мы что, со времени питекантропов не эволюционировали, что ли?»

— *Вы играли раньше роли музыкантов?*

Жирардо: Нет, никогда. Я, правда, сама занималась музыкой. Немного играла на фортепиано, пела. В частности, в фильме «Жить, чтобы жить» я пела. Но, кроме того, я записала несколько дисков с песнями.

— *Мы хотим дать две ваших песни...*

Жирардо: Какие?

— «*Это не дает мне заснуть*» Ролана Венсана и «*Дети райка*» Ива Жильбера...

Жирардо: Первая песня связана с моими воспоминаниями о прошлом, в вообще очень характерными для меня. Например, когда я случайно вижу по телевизору фильм, в котором играю, то начинаю вспоминать, чем я во время съемок занималась, какая была погода, кто был вокруг... В этой песне я вспоминаю о том, что было, когда мне шел 17-й год. Вспоминаю молодость и не могу заснуть. Песня Жильбера посвящена фильму «Дети райка». У вас эту картину показывали часто, и содержание песни пересказывать не надо...

Артем ГАЛЬПЕРИН

Пожалуй, нет среды более демократичной, чем среда джаза. Нет смысла задаваться вопросом, почему это так, что привело к этому. Просто будем констатировать этот факт: джаз демократичен и по тому, кому он адресован, и по тому, кто его создает, и по тому, где, в каких помещениях он звучит; он демократичен и тем, что каждым исполнением каждой мелодии он как бы рождается заново, позволяя музыканту быть творцом и предлагая ему полную свободу творчества. Он демократичен, наконец, и в том, что присваивает аристократические титулы не в зависимости от благородных кровей исполнителя, а лишь в связи с его достижениями. «Король» Оливер, «Герцог» Эллингтон, «Граф» Бейси — титулы, демократически присвоенные за труд и за талант. Заметьте, титул дается одному человеку на все времена. Больше в джазе никого не станут называть Дюком, Каунтом, Кингом...

Впрочем, есть одно любопытное исключение из этого правила. Касается оно Ната Кинга Коула, который звание короля... присвоил себе сам.

Родился он во всемирно известном 1917 году, 17 марта, в городе Монтомери, штат Алабама. Нарекли его Натаниэлом, а фамилия была Коулз. Когда он решил опустить последнюю букву своей фамилии, точно неизвестно — как никто не знает, когда и почему он решился присвоить себе титул «короля». Но у меня есть своя версия. Изменив свою фамилию на «Коул», Нат (уменьшительное от Натаниэла) вспомнил английскую детскую песенку о «старом весельчаке Короле Коуле». Вспомнил — и сам стал Королем Коулом. Случилось это где-то в 1936 году, когда он в 19 лет записал свою первую пластинку в составе джазового секстета, возглавляемого его братом-контрабасистом. Затем, образовав собственный состав, он отправился на гастроли, которые кончились крахом в Лос-Анджелесе, где он подрабатывал на жизнь, играя на рояле в ночных заведениях. В 1939 году рождается «Трио Ната Кинга Коула», которое успешно гастролирует и записывает диски вплоть до 1946 года.

Интересно, что Коул поет лишь изредка. Он куда более известен как джазовый пианист, сильно напоминающий по стилю знаменитого «папашу» Хайнса. Но с 1946 года Коул вводит в состав своего трио струнную группу и все больше начинает петь. Тремя годами позже он выступает почти исключительно как певец, которого сопровождает биг бэнд, то есть большой состав.

Пятидесятые и первая половина шестидесятых — годы его триумфа. Он выступает в Латинской Америке, на Кубе, в Австралии, становится первым чернокожим американцем, имеющим свою постоянную программу на радио, а затем и телепередачу. Он снимается в кино, поет в самых фешенебельных ночных клубах. Он и в са-

САМОЗВАННЫЙ КОРОЛЬ

ЗВЕЗДЫ
НОВОЙ ЭСТРАДЫ

мом деле Кинг — богат, любим, знаменит. Вслед за Армстронгом он становится вторым джазовым певцом, признанным всемирно. Но... с одной принципиальной разницей: родившись в джазе, Коул ушел в поп-музыку.

С кем его сравнить? Пожалуй, в Америке на ум приходят два имени: Бинг Кросби и Фрэнк Синатра. Кто из этой «великолепной троицы» первый? Вопрос бессмысленный, поскольку о вкусах не спорят. Могу высказать лишь свою точку зрения: по профессиональному мастерству — Синатра, по обаянию совершенно уникального звучания голоса — Нат Кинг Коул. Некоторые поругивали Ната за слишком уж бархатный голос, за готовность петь песни слащавые, песни-однодневки.

Но вот прошло больше четверти века со дня его смерти — он умер от рака в 1965 году, — и многие песни забыты. Голос же продолжает звучать, голос бесподобный, от которого становится тепло душе и сердцу, голос, вызывающий и улыбку, и слезы.

Он действительно сам нарек себя Королем Коулом, нарек в шутку, смеха ради. А титул-то подошел. И в мире американской эстрадной песни он остается «королем» подлинным, а не samozванным. ■

Владимир ПОЗНЕР

На девятой звуковой дорожке Нат Кинг Коул исполняет песни «Притворись» (Дуглас, Пармен, Лавера, Беллок) и «Любовь» (Кэмпферт, Габлер).

9

«Если звезды зажигают, значит, это кому-нибудь нужно», — заметил однажды поэт. Но возникает вопрос: а если звезды гаснут, падают с небосклона, то, вероятно, это тоже оправданно?

Однако с этим не хотят согласиться, и в печати нет-нет да и встречаешь недоуменные вопросы зрителей и даже критиков: почему кинозвезды быстро уходят в забвение, почему многих из них слишком рано перестают снимать, редко приглашают на встречи со зрителями, на телевидение?

Поначалу разберемся, кого и почему мы называем кинозвездами и кому сей почетный, но все же довольно своеобразный титул как-то не очень подходит.

Само понятие «кинозвезда» пришло к нам с Запада, где давно принято подобным образом величать наибо-

спорить. И хотя в отличие от сферы услуг применительно к искусству не декларируют грубо категорично: «Клиент всегда прав!» — принятые правила игры блюдут. Короче говоря, на Западе всякие «звезды» высокопочитаемы, ибо они главный предмет любви зрителей.

У нас в стране сложилось иное отношение к институту кинозвезд, и вопреки мнению многих авторитетов мне оно кажется достаточно разумным.

В 20-е и 30-е годы понятие «кинозвезда» не имело в стране широкого хождения. Но только само понятие. Мы не только не чурались зарубежных кинозвезд и знали их по именам — Мэри Пикфорд, Вивьен Ли, Кларка Гейбла и других, но и имели собственных — Веру Холодную, Ивана Мозжухина, Эмму Цесарскую, Николая Баталова, Петра Алейникова, Любовь Орлову, Евгения Самой-

На экране все чаще стали появляться фильмы, авторы которых пытались не рекламировать советский образ жизни, а присмотреться к этому «образу», к самочувствию человека, помещенного в весьма специфическую среду обитания. И, несмотря на ухудшение общей обстановки в стране, процесс этот, как ни странно, углублялся. Почему же? Художник был стеснен идеологическими догмами и не мог свободно реализовать многие, порой лучшие свои замыслы. Но в то же время он не должен был, как это мы видим сегодня, оглядываться на кассу кинотеатра — будет аншлаг или нет.

Последнее обстоятельство тоже несло в себе противоречие. Отрицательным моментом было то, что основная масса фильмов делалась с расчетом не на интересы зрителей, а на установки власти предрержащих.

Семнадцать раз встречала Москва Международный кинофестиваль.

Все они были разными — интересными и не очень, с обилием кинозвезд, особенно в первые годы, и весьма ограниченным их присутствием. Но все же... Все же фестиваль всегда праздник.

КАК ЗАГОРАЮТСЯ КИНОЗВЕЗДЫ

лее популярных актеров и актрис. Но при этом не принято аступать в жаркие дискуссии по поводу того, чем отличается, например, Ариольд Шварценеггер от Дастина Хофмана или Мэрилин Монро от Софи Лорен, то есть почти натурщица от по-настоящему талантливой и мастеровитой артистки. Ну, пошутят порой насчет «войны бюстов», и все.

На Западе кино родилось, развилось и пребывает в условиях сугубо коммерческих отношений. А это означает, что содержание и форму фильмов диктуют преимущественно зрительские пристрастия, которые ощущаются даже на конкурсных и внеконкурсных просмотрах международных фестивалей — достаточно присмотреться к составам жюри и призерам, особенно в последние годы.

С утвердившимися традициями здесь привыкли считать а и зря не

лова, Тамару Макарову, Марину Ладнину, Зою Федорову, — не так уж мало их было, как может за дальностью годов показаться. Популярность их была очень велика, однако нетрудно заметить — и к этому мы все вернемся, — что под одной «крышей» собрались здесь актеры и актрисы, которых Бог одарил талантом отнюдь не в равной мере.

Мало что изменилось в отношении зрителей к актерам и в 40-е и 50-е. Пока фильмов было относительно немного и имели они как бы однолинейный характер, а зрительское восприятие уже сформировалось под стать этой геометрии, все более или менее талантливые актеры, завоевавшие у зрителей популярность, были равно почитаемы. Но проходят годы, наступают в кино перемены, а с ними изменяется в принципе и отношение к актерскому творчеству.

Положительным же — счастливая возможность для честного и талантливого мастера не потрафлять вкусам многочисленной, но не самой разборчивой части зрителей.

В общем, кинематограф как бы расслаивался. Расслаивалась и зрительская аудитория, что проявлялось, разумеется, и в отношении к актерам и их работам, пусть и в равной мере популярным.

Серьезный кинематограф принес славу, признание истинным актерским талантам — О. Борисову, И. Смоктуновскому, Е. Евстигнееву, А. Калягину, И. Чуриковой, Н. Гундаревой, М. Нееловой, А. Петренко, О. Янковскому, А. Солоницыну, М. Тереховой, А. Абдулову... — всех не упомянешь. Кстати, среди артистов, получивших широкую известность благодаря киноэкрану, значительно больше крупных актеров театра, нежели кино.

Праздник для кинематров и кинозрителей.

праздник встреч с талантливыми людьми и талантливыми фильмами. В этом году Московский кинофестиваль, увы, не был одним из лучших. Мало было интересных работ, да и кинозвезд,

неизменно привлекающих толпы поклонников, явно не хватало. Но все-таки они были.

Включая одну из крупнейших — Софи Лорен. Раздумья о месте и значении кинозвезды в искусстве кинематографа и побудили написать эту небольшую статью.

Факт этот знаменателен. Новый кинематограф востребовал мастера, способного создать глубоко психологический рисунок образа. А его мог дать в основном театр. Но история кино знает немало примеров, когда более популярными становились актеры кино, значительно уступающие в таланте и ремесле известным мастерам сцены. А объясняется все просто. Достаточно было удачно сыграть свои роли в популярных фильмах, особенно в тех, которые имвли успех среди молодежи — основной массы зрителей. Именно они и становились в первую очередь кинозвездами. Нет нужды называть их фамилии: читатель без труда сделает это сам, без подсказки.

Теперь, кажется, самое время определиться с понятием «кинозвезда». Мы уже упоминали, что пришло оно к нам с Запада, где сопутствует фами-

Забывают и перестают активно снимать, как правило, тех, кто пленил режиссеров и зрителей лишь свежестью молодости, обаянием, привлекательной внешностью или тем, что хорошо вписался в то или иное амплу. Но идут годы, и приходится расставаться с одним, другим, третьим. И если на большее не хватило таланта и умения, остается распрощаться и с профессией.

Есть и иная, может быть, более важная причина забвения бывших кумиров. В минувшие десятилетия появилось немало фильмов, актерских работ, заслуживших признание современников. Но прошло время, новые поколения зрителей заполнили залы кинотеатров, и бывлые роли, бывлые имена не волнуют их сердца. Сетования, слезы, претензии напрасны. Как говорится, дважды в одну реку не войдешь. Изменилась жизнь, измени-

лизму» явило нам незаурядное дарование, филигранное мастерство, ток высокой мысли, добра, гуманизма, шедший от личности создателя фильмов, в том числе и от актеров.

Итак, мы можем вывести своего рода формулу, согласно которой каждый популярный актер, проявивший определенную меру способностей и обладающий соответствующей внешностью, может быть по справедливости наречен кинозвездой и быть почитаем в качестве таковой. Но не каждая кинозвезда является Мастером и может быть почитаема как Мастер.

Олег Янковский, будучи, видимо, разочарован приемом на последнем Каннском кинофестивале фильма «Цареубийца», взволнованно говорил о том, что для международного признания звезд в них надо вкладывать большие деньги. Справедливо. Но с какой конечной целью? Если для того, чтобы получить еще больше денег, выгодно продать на кинорынке картины с известными в мире звездами, тогда да, спору нет. Но если полагать, что, вложив в звезды больше денег, мы получим больше настоящего искусства, то в это я не верю и другим не советую.

На том же фестивале известный режиссер Р. Поланский утверждал, что кино есть развлечение на уровне шока. Эффектно, но не более того. Если это так и только так, обидно за кино, за тех его мастеров, в фильмах которых всего этого нет, но перед которыми хочется снять шляпу.

У нас медленно, но верно идет коммерциализация кинематографа. Очевидны плюсы. Минусы тоже. Ясно, что рынок сам позаботится о том, чтобы были у нас признанные в мире звезды и деньги на них. В этом не будет ничего плохого. Но не грех помнить, что рынок меньше всего похлопочет об искусстве, его мастерах, талантах которых выше популярности их картин. О них и стоит позаботиться.

Недавно закончившийся Московский международный кинофестиваль объявил на сей раз новый девиз, утверждающий высокое место актера в ряду главных создателей фильма. Но девизы — всего лишь благие пожелания. Увы, фестиваль не порадовал нас обилием ни звезд, ни актерских талантов, ни вообще фильмов высокой пробы.

Нам не привыкать жить надеждами. Поэтому и на этот раз понадеемся на то, что будущее компенсирует нам нынешнюю бедность на экране, будем надеяться на встречи с истинными дарованиями.

В нашей стране сложилось, мне кажется, разумное отношение к институту кинозвезд, к актерскому искусству, к тому, что в нем действительно ценно. И не стоит в угоду нынешней моде на все западное отбрасывать полезные традиции, будь сама мода сто раз оправдана во всем остальном.

Илья КАЦЕВ,
кинокритик

Фото
Алексея ЛИДОВА

лии популярного актера или актрисы, когда он или она становятся кумирами публики, в чувствах которой почти обязательно присутствует некоторая доля сентиментального обожания. И кумиром можно стать при разной мере отпущенного дарования, но при неременной привлекательности облика. На вкус большинства, конечно. Вот почему не подходят как-то к понятию «звезды» некоторые знаменитые актерские фамилии. И у них: Лоуренс Оливье, Спенсер Тресси, Джульетта Мазина. И у нас: Фаина Раневская, Борис Бабочкин, Алексей Грибов, Михаил Яншин, Алексей Петренко...

После сказанного легче, мне кажется, ответить на вопросы: почему «звезды» гаснут, падают, почему некоторых из них быстро забывают, рано перестают снимать, приглашать на телевидение?

лисы и люди — их пристрастия, вкусы, симпатии.

Молодое поколение наших дней имеет так мало общего с тем, которое вступило в самостоятельную жизнь в военные и первые послевоенные годы, как, пожалуй, раньше не случилось. В глазах молодых многие ценности прошлого, за которые держатся из последних сил нынешние ветераны, девальвировались. Не оправдали себя идеи, исчезла вера в идеалы, практика обнаружила порочность многих устоев системы. А ведь все это составляло суть большинства фильмов прошлого, смысловую и эмоциональную наполненность актерских ролей.

Так что же, ничего непреходящего не осталось в киноискусстве минувших десятилетий? Осталось. И немало. Прежде всего то, что вопреки «фантастическому социалистическому реа-

КИНО: О ЧЕМ СПОРЯТ?

Конец 20-х годов. Нефтяной Грозный. В городе — чуть больше ста тысяч населения. Нет профессионального театра. Изредка навзжают «бродячие» труппы. Иногда появляются эстрадные артисты... Постоянные культурные «очаги» — два деревянных кинотеатра (тогда они назывались «биографы») — «Аполло» и «Солейль». Принадлежали они обществу охраны детей, но фактически были собственностью пожилого армянина Амбарцумова. Кинотеатры находились в самом центре города. В репертуаре — «бювики» из американской жизни.

Раза два в год в одном из них отменяли вечерние сеансы: там проходил конкурс юмористов. На узенькой сцене перед экраном состязались в юморе и сатире популярные на периферии артисты веселого «разговорного» жанра того времени. Как удавалось Амбарцумову заполучить их в город, отнюдь не славившийся театральностью, не знаю. Но могу засвидетельствовать — приезжали многие звезды эстрады тех лет.

В тот день, о котором я веду рассказ, на сцене «Аполло» должны были выступить Павел Елинский, Сергей Снегов, Петруша Тарахно, Игорь Южин. Старожилам — любителям эстрады — эти имена говорят многое.

тельницу, дающую частные уроки музыки. С таперами было просто — они знали, что «тут от фонаря надо идти прямо к третьей цифре», а тут держать «паузочку». Хуже было с интеллигентными дамами — учительницами музыки. Их прежде всего надо было уговорить хотя бы взять в руки эти «ноты». Они ужасались и видом нот, и — главное — музыкой куплетов!

— Я воспитана на Чайковском, Скрябине, Моцарте! Я не могу играть «это», — чуть не плача, говорила какая-нибудь пожилая дама в кружевной мантилье. — Поимите, если я это сыграю, я изменю музыке, себе! В интеллигентных домах мне этого не простят!

В тот вечер положение складывалось просто катастрофическое: уже полчаса сын хозяина на фазтоне гонял по всему городу, но не мог найти пианиста. Один не хотел покинуть ресторан, где шла свадьба, другая болела, кого-то не было дома... Назревал скандал. Пытались уговорить сыграть члена жюри — адвоката, но он категорически отказался, заявив, что «музицирует только в домашних условиях!». И вообще — одно дело сидеть в жюри, а совсем другое — выступать с «куплетистами»!

В зале хлопали, шумели, кто-то уже требовал «деньги обратно». Амбарцумов бегал вдоль рампы, прижимал руки к пухлой груди и заверял: «Один маленький минут — все будет порядком!»

В КОЛЛЕКЦИИ
РЕДКИХ ЗАПИСЕЙ

ПАПАХА-ЯХОНТОВУ!

В семь тридцать вечера зал уже был полон. По существующей традиции на сцену поднялось авторитетное жюри.

На столе, покрытом бархатной скатертью, лежали призы будущим победителям: кинжал в серебряных ножнах с восточным орнаментом и высокая папаха благородного золотисто-орехового тона. Вид призов и серьезная сосредоточенность жюри, готового к бескомпромиссному судейству, разжигали нетерпение зрителей. Прошло пять минут, десять — конкурс почему-то не начинался.

В зале начали хлопать, кричали: «Хозяин, время!» Добровольтцы из публики отправились за куписы «разведать» обстановку...

Выяснилось вот что: в те далекие времена артисты эстрады — куплетисты, чечеточники, танц-комики, юмористы — не имели своих аккомпаниаторов. Они ездили только со своими нотами, Боже мой, что это были за ноты! Отрывки из обрывков, выцветшие, засаленные от частого употребления — разобравшись в них мог только очень опытный пианист. Аккомпаниаторов обычно находили на месте — тапера из ресторана или преподава-

И в это самое время в зал вошел высокий, элегантный, светловолосый человек. Помахивая солидной палкой с резным набалдашником, он прошел в первые ряды. В зале вспыхнули аплодисменты. Его узнали. Это был прекрасный артист — чтец Владимир Яхонтов. Он часто бывал в Грозном — сюда его приводила крепкая дружба с коллективом местного завода «Красный молот».

Все свои новые программы артист привозил «на обкатку» — успех его был огромен. Вот и теперь он привез новую программу-композицию «Владимир Ильич Ленин».

Но вернемся в зал кинотеатра «Аполло», куда только что вошел Владимир Николаевич Яхонтов.

— Яхонтова — в жюри! Яхонтова — на сцену! — закричали в зале. Изыщно поклонившись, артист поднялся на сцену и устроился среди членов жюри. «Собрат по искусству» Югов-Никольский шепотом объяснил столичному гостю причину задержки. Выслушав его, Яхонтов поднялся с места и, подойдя к рампе, сказал:

— Друзья! Чтобы вам было не скучно, пока ищут пианиста, я вам почитаю...

Зал взорвался аплодисментами.

— Я почитаю фрагменты моей будущей работы: Александр Сергеевич Пушкин — «Евгений Онегин».

— Дорогой! Извини, конечно, а разрешение на этого Пушкина имеется? — громко спросил Амбарцумов, не любивший неприятностей от властей.

— Пушкину разрешения не требуется — он Пушкин! — гордо ответил Яхонтов.

Зал опять взорвался аплодисментами.

«Мой дядя самых честных правил...» — начал чтец. В зале воцарилась чуткая тишина. Прошла первая глава, вторая... Яхонтов уже читал пятую главу — сцену бала у Лариных, — когда из-за кулис ему махнули, что можно заканчивать — пианистку привезли...

Яхонтов, поклонившись, сказал: «Ну вот, пианистка здесь. Начинается конкурс юмористов!» — и сел в жюри.

Конечно, ни о каких репетициях пианистки с куплетистами не могло быть и речи.

— Будем надеяться на ее возраст — давно же играет — и на свое нахальство, — сказал Павел Елинский.

РЕПЕРТУАР КОЛЛЕКЦИИ ЗАПИСЕЙ

9 СОВРЕМЕННИКИ 10

ОКТАБРЬ
ЯХОНТОВ

О
Н
И
Н
И

И конкурс начался! Елинский бил чечетку и пел куплеты с лихим рефреном: «Мужчинам не годится, а женщинам как раз!» Сергей Снегов спел куплет о «скорой помощи», которая одного «подобрала, а трех задавила»; Петруша Тарахно «дал» такой степ, что в зале уже начинали в такт стучать ногами; Игорь Южин показывал «танц-клас» в Таганроге, время от времени яростно шепча даме у рояля: «Заходите мне в ноги!», «Держите паузочку», «Маша, дайте дробь» и т. д.

Конкурс, видимо, удался. Строгое жюри, тихо перешептываясь, вырабатывало решение, и тут произошло непредвиденное: весь зал вдруг стал скандировать:

— Первое место — Яхонтову! Приз — Яхонтову! Папаху и кинжал — Яхонтову!

Председатель жюри пытался успокоить зал. Амбарцумов бегал по сцене, выкрикивая: «Люди! Что вы делаете?» Безуспешно. Зал требовал награду Яхонтову!

Яхонтов вышел на авансцену. Прижимая руку к сердцу, он говорил, что если бы тут был конкурс чтецов, тогда — пожалуйста, но тут же конкурс юмористов! Он тут ни при чем! Он только заполнил паузу... Он не может на это согласиться — это неблагородно по отношению к товарищам по искусству...

Ничего не помогало. Зал стоял на своем. Посовещавшись, жюри уступило требованию публики: папаху и кинжал присудили Владимиру Яхонтову. И тут же все это на него надели.

Зрители были в восторге.

За кулисами Амбарцумов говорил Яхонтову:

— Дорогой! Завтра второй день конкурса — приходи, пожалуйста! Очень интересно узнать: кто там кого убил? Приходи! Расскажешь! Юмористы, окружив Яхонтова, просили о совершенно обратном!

— Товарищ Яхонтов! Вы, конечно, артист — дай боже! Нам было очень приятно выступить с вами, но, если вы нас уважаете, очень просим — завтра не приходите! При вас мы можем иметь только неприятности!

Вспомнив об этом смешном эпизоде из жизни прекрасного чтеца Владимира Яхонтова, я вовсе не хочу противопоставлять «высокое» классическое искусство «низкому» искусству эстрады. В любом искусстве есть лишь один критерий — качество! Только оно, высокое качество, дает право на жизнь любому жанру. ■

Матвей ГРИН

На второй звуковой дорожке Владимир Яхонтов читает пьсьме Онегина Татьяне А. Пушкина и фрагмент стихотворения С. Есенина «Цветы мне говорят»

2

Московскую группу «Альянс» хорошо знают любители рок-музыки. Раньше, так начиная рассказ, автор предполагал широкий круг читателей. Ныне более узкую аудиторию истинно верных поклонников рока. Впрочем, «Альянс» и в период повышенного ажиотажа вокруг рока умел не смеиваться с толпой коллег. Романтичные песни этой группы любили и любят и совсем юные подростки, и рокеры со стажем, узнающие в «новой волне» чистоту и мечтательность молодости. Солист «Альянса» Игорь Журавлев нравится девушкам своей приятной внешностью. Люди постарше уважают в Журавлеве искренность серьезной работы, интерес к истории Отечества и религии, музыкальную культуру, приобретенную как самообразованием, так и учебной на отделении академического пения училища имени М. М. Ипполитова-Иванова. Все это не иллюстрируется, но отражается в композициях «Альянса», например, таких, как «На заре», «Встаньте, братья»...

Группа всегда умела, не отторкаясь от аудитории, в то же время оказаться чуть выше, чуть впереди слушателей.

В последнее время состав «Альянса» почти полностью сменился. Из прежней команды остался лишь барабанщик Юрий Кистенев. Новобранцев «Альянс» «выкачал», кажется, из лучших сил Московской рок-лаборатории. Из группы «Николай Коперник» пришел гитарист Константин Баранов (по прозвищу Костелло). Из «Встречи на Эльбе» — бас-гитарист Сергей Калачев и перкуссионист Владимир Миссаржевский. Из «Вежливого отказа» известный в музыкальной среде клавишник Максим Трефан (пока в качестве приглашенного). Кроме бессменного Журавлева в «Альянсе» теперь поет Инна Желанная.

Помимо давно известных меломанам магнитоальбомов — «Я медленно учился жить» (1983 г.) и «Альянс» (1987 г.) за последние годы группа записала новые работы общей длительностью часа на полтора. Лучшие из них войдут в следующий диск-гигант.

После широко освещавшегося в прессе триумфального выступления «Альянса» на фестивале в Берлине в 1987 году группа ежегодно летом выезжает на гастроли за рубеж. Музыканты побывали в Швеции, Дании, Бельгии. А в нынешнем году, сразу после участия в благотворительном концерте «Колокола Чернобыля» на центральной площади Киева в память 5-й годовщины атомной катастрофы на Украине, отправились во Францию.

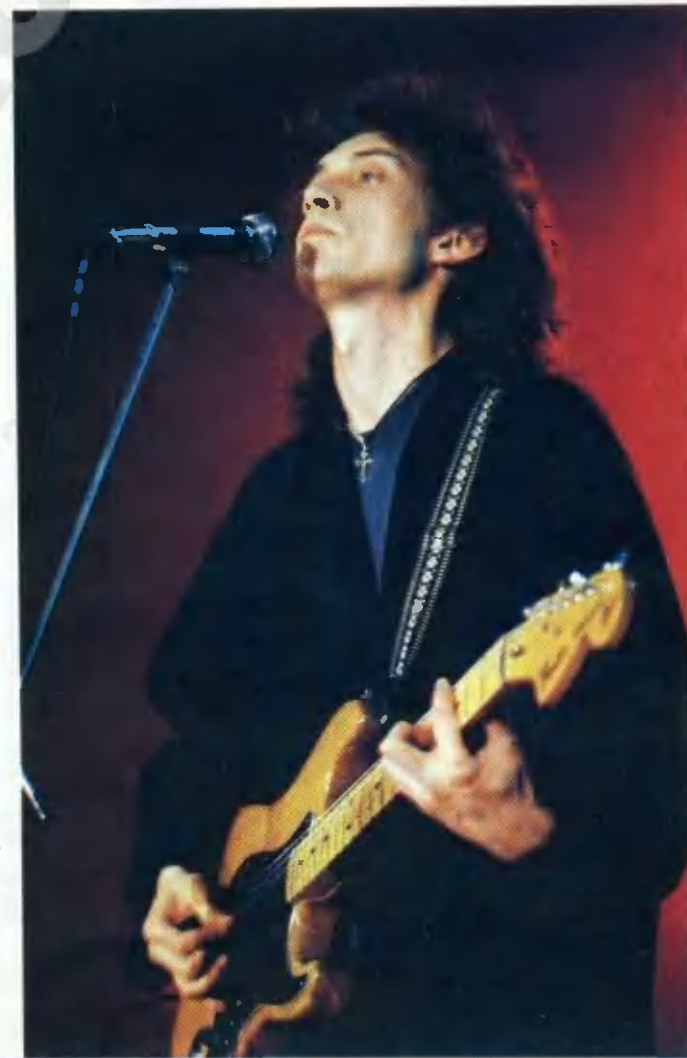
Там выступали на небольшом фестивале в Гавре, продолжающем традицию экспорта «восточного» рока на Запад, вместе с пенин-

«АЛЪЯНС» — ЗНАЧИТ СОДРУЖЕСТВО

ВПЕРВЫЕ В «КРУГОЗОРЕ»

На шестой звуковой дорожке — в исполнении группы «Альянс» композиции «Дайте огня» и «Смерти нет» (фрагменты). Музыка и слова Игоря Журавлева.

6

градскими «Объектом насмешек», «НЭПом», а также французской командой с английским названием «Литл Боб». А затем — перед студенческой аудиторией в Париже.

В рассказах о путешествии «Альянс» подтверждает слухи — интерес к советскому року «за бугром» ослабевает. Однако Журавлев утверждает, что его группа французам понравилась, они уловили в ней типично славянские черты, которые западникам и интересны.

С концертной «раскруткой» в нашей стране ситуация для рока, как и для прочих искусств, кажется, не собирается сдвигаться с мертвой точки. «Фанерный поп», сами понимаете, в обиход «искусств» не включается. Но и для него наступают все более тяжкие времена.

Что касается настоящих талантов, то ими импресарио по-прежнему интересуются вяло. Но Игорь Журавлев с женой и маленьким ребенком старается не унывать по поводу профессиональных и житейских трудностей. С философским спокойствием он не покидает мира музыки и хорошей литературы. Таков лидер «Альянса», формирующий образ своей группы. ■

Нина ТИХОНОВА,
кандидат искусствоведения
Фото Е. МАТВЕЕВА

Мир очевидного земного, от века привычных вещей и событий словно исчезает, уходит в небытие, стоит только перешагнуть порог комнаты московской художницы Евгении Горчаковой. Оказавшись в тесном жилом помещении, сплошь заставленном и завешанном живописными холстами, невольно испытываешь какое-то странное, выбивающее из колеи обыденного ощущение. Представляется, будто ты под воздействием импульсов особой атмосферы медленно, но неотвратно погружаешься в водную стихию или переступаешь грань некоего нового духовного качества. На глубине раскрытым глазам предстает неведомая страна, сказочное царство причудливого подводного ландшафта. Недаром одна из картин художницы так и названа «Садко».

Однако что означает вся эта диковинная панорама: случайный каприз воображения, причуды вольной фантазии или нечто более серьезное, заложенное в самую основу душевного склада Горчаковой?

«Абстрактные» полотна художницы отмечены постоянством образно-пластического сюжета, она не задается целью каждый раз заново сочинять повествовательную канву произведения. Весь богатейший спектр тематических интере-

ции называем — «Рождение цвета».

Идея изменчивого постоянства или постоянного изменения картинного образа предполагает рассматривать его именно в смысле материального воплощения. Ибо непреходящее жизненное условие человеческой души — способность к нескончаемому ее превращениям — возможно лишь на твердой почве. Парадоксально, но искусству Горчаковой не присвоишь безоговорочно статуса беспредметного — так отчетливо в его пластическом рисунке просматриваются реалии внутреннего настроения автора. Свою философию изобразительного творчества, пафос индивидуальных пристрастий и наклонностей художница заявила, приняв участие в выставке «Эрато и Эрос». Девиз этой экспозиции для нее глубоко символичен, поскольку Эрато — муза лирической поэзии и эротических стихов, то есть покровительница эмоций, чувственного начала. А Эрос — это не только бесплодный в своем коварстве бог любви, но и, по предположению древних, одна из самовозникающих космогонических первобытных сил.

Интимность, искреннюю непосредственность, сказавшихся в камерной приглушенности цветового тона, Горчаковой удается органично слить с впечатляющей широ-

СФЕРЫ ИНТИМНОГО

сов автора, выраженный в чрезвычайном разнообразии названий («В солнечном городе», «Уставшее солнце», «Красавицы», «Ночное небо», «Двое белых», «Агрессия», «Осень еще не пришла», «Сирень»), претворен в общий «образительный» мотив, чем-то напоминающий набегающую волну, струи горного родника или подводные растения, плавно стелющиеся по течению свои длинные стебли.

Красочный слой пребывает в непрерывном динамическом изменении. Энергия силовых источников, возникших по всей плоскости холста, то стягивает цветные мазки в туго сплетенные пенистые гребни, то разглаживает безудержный поток в мягко мерцающее локальное пятно. Возникает впечатление, будто живописная лава, благодаря подспудной работе, вскипает, бьет ключом и, наконец, прорвав затверделую оболочку, исторгается вовне избытком цветовой полихромии. Искусство живописи словно по независимому собственному хотению свершает свою судьбу, творит визуальный образ прямо на глазах у зрителя. Вот почему вполне закономерным воспринимается участие Евгении Горчаковой в выставке со знаменательным для ее творческой пози-

той восприятия явлений окружающей жизни. Ее внутреннему духовному миру присущ некий галактический масштаб. Недаром красочные разводы полотен художницы вызывают зримую иллюзию огромной, как бы подернутой брожением волн океанической поверхности, увиденной из космических далей.

Евгения Горчакова, отыскав новую вселенскую орбиту, еще никем не открытую до нее, тем самым умножила пределы допустимого, обогатила сущностное наполнение человека. Гуманизм, просветительская направленность ее творческих поисков как раз и заключается в том, что своим искусством художница щедро одаривает людей сделанными ею открытиями, провозглашает облагораживающую действительность красоты. Ибо красота, по мнению живописца, — неколебимая основа мира, подлинная его составляющая. ■

Никита МАХОВ

Н в фото репродукции картин Е. Горчаковой
 «Садко»
 «Осень еще не пришла»
 «В солнечном городе»
 «Мне холодно»

Про таких говорят: состоит из углов, и каждый из них — острый. Что подделаешь: как талантливого человека, так обязательно с тяжелым характером — для многих это стало почти аксиомой. Ирландская певица Шинейд О'Коннор, похоже, ее подтверждает.

Ее вторая пластинка под названием «Я не хочу того, что не имею» побил все ожидаемые рекорды: в Великобритании диск поднялся на первое место неделю спустя со дня выхода, в США — через месяц. Практически все ведущие музыкальные издания мира признали диск двадцатичетырехлетней певицы лучшей записью 1990 года. Это несмотря на то, что пластинка явно не вписывается в рамки канонов современного поп- и рок-искусства. Это не музыка для ног, в композиции много сдержанной лирики и как бы присутствует кельтский дух. Но в этом стремлении все делать не так, как делают все или как принято, — вся Шинейд.

Она была третьим по счету ребенком в семье Джона и Мари О'Коннор, инженера и портнихи из Дублина. Ее мать хорошо пела и всегда считала, что если бы не вышла так рано замуж, то могла бы сделать неплохую карьеру. Но вместо исполнения арий из оперетт она рожала и воспитывала детей. На этой почве в семье возникали бесконечные скандалы. Все закончилось в 1975 году, когда родители Шинейд (ей тогда было восемь лет) развелись. Первые пять лет девочка жила у матери. Та была строгой и требовательной, причем настолько, что Шинейд покинула ее в 13 лет и переселилась к отцу. Джон в ту пору был очень занятым человеком, и в его доме девочка обрела желанную свободу. Свобода, однако, чуть не обернулась трагедией. Очень много соблазнов открывал мир неокрепшей душе.

Она начала пропускать занятия в школе, болтаясь целыми днями по улицам и магазинчикам. Связавшись с дурной компанией, Шинейд начала красть деньги у отца, парфюмерию, одежду и обувь — в магазинах. Однажды ее поймали, и отец, осознав, что так недалеко и до беды, отдал дочь в школу для трудновоспитуемых детей. Пребывание Шинейд там, по словам отца, пошло ей на пользу. Этому можно верить или нет, но один факт бесспорен: именно в стенах этой школы Шинейд начала петь, играть на гитаре и сочинять песни.

Однажды ее пригласили исполнить несколько композиций на свадьбе преподавательницы. Брат невесты — барабанщик местной рок-группы — пришел в восторг от голоса Шинейд и пригласил ее в свой коллектив. Но тут ей пришлось столкнуться с сопротивлением отца, особенно он возражал против неизбежных турне, и Ши-

нейд оставалось лишь по вечерам исполнять народные песни в кафе и клубах маленького городка Уотерфорд, где она училась.

И вновь она проявила характер. Шинейд бросает занятия в школе и решает стать профессиональной певицей. Как-то вечером шестнадцатилетняя девушка исчезает из школы и из дома. Долгое время она где-то пропадала, но наконец вернулась в дом отца с объяснениями. Тот все понял и устроил дочь в Дублинский музыкальный колледж, где она стала изучать вокал и игру на фортепиано. В начале 1985 года произошли два события, повлиявшие на дальнейшую судьбу О'Коннор. В автокатастрофе погибла мать, и что-то случилось в душе Шинейд. По ее словам, после этой трагедии она по-новому начала понимать значимость человеческих отношений, особенно между близкими людьми. Так или иначе, но свою первую пластинку «Лев и кобра» Шинейд посвятила матери, вторую — отцу.

А другим важным событием стал международный успех ирландской группы «Ю-Ту», после которого в Дублин зачастили самые удачливые менеджеры мира, буквально рыскавшие по клубам в поисках чего-нибудь подобного квартету «Ю-Ту».

ЭТА СВОЕНРАВНАЯ ШИНЕЙД

ЗНАМЕНИТА

Два таких специалиста в области шоу-бизнеса случайно набрали на Шинейд и, пораженные ее голосом и манерой исполнения, пригласили в Лондон, чтобы записать демонстрационную кассету.

Будущей звезде, конечно, хотелось завоевать мир, но она не хотела пойти проторенными дорогами и не стала ни под кого подделываться, а действовала так, как считала нужным. Шинейд сначала подстриглась «под индейца племени гурунов» (затем и вовсе побрила голову), оделась в черные джинсы и куртку, обулась в армейские боты и... начала работать над своей первой пластинкой. По ходу дела она забеременела от Джона Рейнолдса (барабанщика группы «Трансвижен Вэмп»), впрочем, совсем не думая выходить за него замуж. В июне 1987 года, двадцати лет от роду, на последнем месяце беременности, Шинейд закончила запись, а через две недели родила сына Джейка. Спустя некоторое время она, впрочем, вышла замуж за Рейнолдса.

За «Льва и кобру» О'Коннор была награждена призом «Грэмми». Диск состоял из композиций, исполненных и аранжированных в разных стилях (джаз, фанк, синт-поп), а содержание песен целиком было построено на основе личных переживаний певицы.

Впрочем, вторая пластинка — «Я не хочу того, что не имею» (1990 г.) — тоже. Самой известной композицией диска стала песня Принса «Ничто не сравнится с тобой», которой О'Коннор в буквальном смысле дала новую жизнь, чего, по словам певицы, Принс до сих пор не может ей простить.

Этот диск О'Коннор собрал массу призов «Грэмми». Удачно прошло и ее мировое турне в прошлом году. Но слава уже мало волнует Шинейд, как и ее музыкальная карьера. Она говорит: «Музыка, альбомы в действительности не играют большой роли в моей жизни. Пластинки для меня — это хронологические отрезки жизни. А именно от того, как складывается моя жизнь, а не дела с пластинками, и зависит, счастлива я или нет».

Что ж, легко говорить так, будучи одной из самых популярных певиц на сегодняшний день, но можно и поверить, что О'Коннор действительно на все наплевать. Такая уж у нее натура...

Н. СОЛДАТЕНКОВ

На одиннадцатой звуковой дорожке — песни из альбома «Я не хочу того, что не имею». Поет Шинейд О'Коннор.

На четвертой звуковой дорожке вы услышите русские народные песни «Цыганочка» и «Дударь» в исполнении Ларисы Трухиной.

Фото Алексея ЛИДОВА

Мы сидим вместе с Ларисой Трухиной в радиоаппаратной, слушаем, отбираем ее записи песен для этого номера журнала. Я задаю вопросы, записываю на диктофон ответы, рассуждения, из которых постепенно складывается творческая биография певицы.

«Говорят, что все начинается с детства... Мне, я считаю, повезло, родилась и жила в Сибири, а она, матушка, принимала к себе людей самых разных национальностей. Каких только песен не слышала!.. И то, что сейчас делаю на сцене, — это все во мне заложено уже было в то время, — вспоминает Лариса, — а профессию я выбрала, кажется, еще тогда, когда в трехлетнем возрасте везли меня по Чуйскому тракту в автобусе и я пела голосом, как мне представлялось, «под Магомаева».

Ставлю на магнитофон очередную запись, слушаем, а ей и эта не нравится... «Сейчас бы по-другому спела, — говорит Лариса. — Здесь все только на голосе, а в песне еще и мыслить надо».

Впечатления детства трудно восстановить. Они живут в нас смутными обрывками, эпизодами...

Лариса помнит, как ее однажды оставили по необходимости в доме алтайского чабана: «И вот там, на Алтае, от того чабана услышала я песню его народа. Он сидел, грел ноги в золе и что-то напевал на своем не понятном мне языке, а я, девчонка, запомнила это на всю жизнь. Почему? Да потому, что это было первозданное».

— А может быть, тому чабану нужно было с этой песней на сцене выступать? — спрашиваю я у Ларисы.

— Нет, только профессионалы, только они должны этот алмаз огранить, и тогда он заиграет всеми цветами радуги. Не все, что хорошо в домашней обстановке, в застолье, годится на концертной эстраде.

Наверное, такое убеждение сформировалось не сразу. Но когда оно пришло, в один прекрасный день Лариса села в поезд и без всякой материальной и моральной поддержки отправилась в Москву, где подала заявление в приемные комиссии сразу трех музыкальных училищ.

«Но если мне хотя бы в одном из них на вступительном экзамене по специальности поставили четверку, — утверждает певица, — вернулась бы домой! Фортуна была приветлива, но профессионалами все-таки не рождаются. И потому я благодарна своим педагогам в училище имени Ипполитова-Иванова и Институте имени Гнесиных, научивших меня столь многому».

В чем сила певческого таланта? Думаю, в лирике. Лариса Трухина, конечно, лирик. Так сложилось исторически, что у русского народа много именно лирических песен. А что, как не женский голос, может передать всю тонкость лирики? Быть может, поэтому в России народная песня представляется больше как бы с «женским лицом»?

Сегодня у лауреата I Всесоюзного радиоконкурса «Новые имена» Ларисы Трухиной в репертуаре огромное количество народных песен. И не только русских, но и украинских, литовских, белорусских, мордовских...

«Вот мы сейчас прослушали много песен в моем исполнении, — замечает певица, — а мне что-то хочется переписать, хочется и новое записать. Задумала на фирме «Мелодия» сделать пластинку русских песен под аккомпанемент гармошек, но чтобы каждая песня звучала под определенную гармонь — саратовскую, тульскую, вологодскую, вятскую. Есть приглашение в Германию на запись дискосиганта...»

Когда-то поэт Виктор Боков посвятил Ларисе такие строчки:

*Голос твой звучит, как родничок,
Сколько в нем естественного
чувства.
Излучает черный твой зрачок
Волю и энергию искусства.*

Казалось бы, все хорошо, даже стихи слагают о ней, но включите телевизор: часто ли вы услышите фольклор в программе ТВ?

Между тем Лариса Трухина с русской народной песней полмира объездила, и там ее песня не была чужой.

Н. РЫБИНСКИЙ

ФОЛЬКЛОРНАЯ
ЭКСПЕДИЦИЯ «КРТОЗОРА»
ПЕСНЯ
НАЧИНАЕТСЯ
С ДЕТСТВА

Первый раз я увидела Михаила Евдокимова лет семь назад в телепередаче «Вокруг смеха». Делал он тогда, кажется, пародии на Юрия Никулина и Валерия Золотухина. Делал неплохо, но... это и всё! В те годы на эстраде работали десятки исполнителей, довольно точно говоривших голосами «звезд», но отличить этих «копировальщиков» друг от друга было невозможно. Я намеренно

На десятой звуковой дорожке — фрагмент рассказа М. Евдокимова «Баня» и музыкальный фельетон В. Палеико и В. Чудодеева «Все хорошо!». Исполняет М. Евдокимов.

ВСЯ НАША ЖИЗНЬ — ПАРОДИЯ

Дружеский шарж
В. ШАРКОВОЙ

употребляла слово «исполнители», а не «артисты», потому что подражать голосам — дело не такое трудное, и большинство актеров умеют это. От исполнителя-подражателя до настоящего пародиста, как говорится, дистанция огромного размера. Артист-пародист прежде всего старается «поймать характер», а уж потом голос... Кстати, именно умением раскрыть характер человека, на которого делается пародия, «вывернуть этот характер наизнанку» и отличаются великолепные пародийные работы Геннадия Хазанова.

Надо отдать должное Михаилу Евдокимову: он довольно быстро понял, что, занимаясь простым копированием популярных артистов, сам артистом не станешь. Я помню, как на одной из съемок передачи «Аншлаг! Аншлаг!» Евдокимов впервые решился выступить с рассказом «Баня». Услышав смех зала, за кулисами тут же собрались «звезды» и через секунду-другую стали смеяться точно так же, как зрители.

Для участников съемки выступление Михаила Евдокимова в роли рассказчика оказалось неожиданностью, но еще большей неожиданностью было то, что он — автор рассказа. Никто из них тогда не знал, что Евдокимов давно пишет рассказы и даже печатает их в толстых журналах. А за перо он взялся, познакомившись с прозой своего земляка, актера и писателя Василия Шукшина. Шукшин, пожалуй, и до сих пор для Михаила Евдокимова — кумир... Может быть, поэтому он и решил попробовать себя в кинематографе. Что из этого получится, мы узнаем, когда фильм «Воспоминание о коровьем марше» выйдет на экраны.

Неожиданностью стала для меня и встреча в доме артиста. Я приехала в его маленькую двухкомнатную «хрущевку», чтобы договориться о съемках. На тридцати метрах меня встретило человек десять взрослого населения и столько же детского. Все они говорили не московски, а «окали». Это были гости с Мишиной родины, с Алтая.

— Из одной деревни? — спросила я.

— Да нет, просто земляки! — ответил Евдокимов. — Верст сто от моей деревни живут. Я — там, где Обь начинается, а они чуть повыше...

По твердому убеждению Евдокимова на Алтае и люди другие, и расстояния тоже... Сто верст по тамошним меркам — это совсем рядом...

И живут в московской квартире Евдокимова земляки, сменяя друг друга, чуть ли не круглый год.

— А куда им податься? — спокойно размышляет артист, — в гостиницу не устроится. Не на вок-

зале же ночевать! Вот и идут ко мне. Не чужие все-таки — земляки!

А, между прочим, самому Евдокимову, когда он в солдатской форме и с десанткой в кармане приехал в Москву выяснять, почему его рассказы не печатают, пришлось ночевать и на вокзалах, и в парках. Слава Богу, устроился рабочим в художественную мастерскую. Он и не подозревал, конечно, что эта работа перевернет всю его жизнь... В ЦДЛ готовились отметить юбилей руководителя художественной мастерской. Провести этот вечер пригласили Владимира Винокура, но он задержался на гастролях. И тогда кто-то из художников, зная о том, что Евдокимов умеет говорить голосами популярных артистов, попросил Мишу «подменить» Винокура.

На сцену ЦДЛ новоявленный артист вышел в пиджаке с чужого плеча и в брюках самого виновника торжества. А тот вынужден был провести свой юбилей за кулисами в ожидании, когда Евдокимов закончит «дурачиться на сцене» и отдаст ему предмет туалета, без которого на люди как-то не принято выходить...

Случилось, что в тот вечер среди зрителей оказались артисты из Ленкома. Они-то и предложили Мише принять участие в концерте народной артистки СССР Татьяны Ивановны Пельтцер. А вечер снимало телевидение...

Вот так, неожиданно даже для самого себя, Евдокимов «попал в артисты».

Но если вы решили, что Михаил Евдокимов — баловень судьбы, то вы ошибаетесь. Всего четыре года назад, когда его имя было уже достаточно известным, он не прошел в финал Всесоюзного конкурса артистов эстрады. Почему?

Не знаю, может, он выступал не в полную силу, а, может, жюри судило слишком строго. Ясно другое: тогда ни зрители, ни профессионалы не предполагали, что всего через несколько лет пародист Михаил Евдокимов, не удостоенный звания лауреата конкурса, станет одним из ведущих артистов нашей эстрады, а на его концертах будут аншлаги.

В своей последней программе «Вся наша жизнь — пародия» Михаил Евдокимов удивительно точно «попадает в голоса» разных популярных артистов и политических деятелей, но главное — показывает их характеры. И я уверена, что только благодаря стремлению «постичь характеры» в сочетании с природным талантом он сумел оставить далеко позади огромную армию эстрадных пародистов и вырости в Актера Михаила Евдокимова.

Регина ДУБОВИЦКАЯ

ВСЕ ДЕЛО В ГОЛОВЕ

— Какая разница между хорошим дирижером и плохим? — спросили как-то у Бюлова.

— Хороший дирижер держит партитуру в голове, а плохой — голову в партитуре, — последовал ответ.

МУЗЫКА В ОФСАЙДЕ

Молодой английский композитор Эдди Уорнер закончил симфонию «Футбол», написанную под впечатлением первенства мира по фут-

МУЗЫКАНТЫ ШУТЯТ

болу, которое состоялось в Англии в 1966 году. Автор дал своему произведению подзаголовок «Симфония из двенадцати ворот и двух штрафных ударов».

ПОЛЕЗНАЯ ПИЛЮЛЯ

После трансляции «Неоконченной симфонии» Шуберта диктор нью-йоркского радио объявил:

— Если бы Шуберт знал о существовании укрепляющих пилюль фирмы «Джексон», симфония наверняка была бы закончена.

ПОМОГЛИ УРОКИ

— Знаете, Джеймс, говорят, что Паркер сколотил огромное состояние благодаря урокам пения, которые берет его дочь.

— Каким образом?

— Он скупил за сцененок все соседние дома.

ТРОГАТЕЛЬНАЯ ЗАБОТА

— Это по поводу рояля, мсье, я настрощик.

— Но... мой рояль в порядке, я вас вовсе не вызывал.

— Вполне вероятно, мсье, но ваши соседи попросили меня прийти.

СУВЕНИР

В Милане напротив знаменитого театра «Ла скала» есть трактир, в котором издавна собираются артисты, музыканты, знатоки сцены.

Тут под стеклом сохраняется бутылка шампанского, которая предназначена тому, кто сумеет последовательно и понятно пересказать своими словами содержание оперы Верди «Трубадур».

Бутылка эта замурована более ста лет, вино становится все крепче, а «счастливчика» все нет и нет.

КРАСИВЫЙ ЭПИЗОД

На исполнении симфонической поэмы Клода Дебюсси «Море» однажды присутствовали сам автор

и другой известный французский композитор — Эрик Сати. Когда оркестр сыграл первую часть, которая носит название «На море от зари до полудня», Дебюсси спросил своего коллегу, как ему понравилась музыка. Сати, улыбаясь, ответил:

— Около половины одиннадцатого было очень красиво.

ЖЕРТВА ТОНКОГО ВКУСА

Один английский пианист, отправившись в гастрольную поездку по Ближнему Востоку, внезапно вернулся на родину. По возвращении он объяснил дирижеру Бичему, что уехал, потому что дважды был обстрелян арабами.

— Что ты говоришь? — удивился Бичем. — А я никогда не предполагал, что арабы так хорошо разбираются в музыке!

МУЗЫКАЛЬНОЕ ЧУДО

Американский дирижер Леопольд Стоковский сказал после одного из концертов:

— Этот оркестр совершил чудо! Произведение, в бессмертии которого я был убежден, он уничтожил за полтора часа!

ЧУДЕСА НАУКИ

Один человек сильно обжег руки в автомобильной катастрофе. В больничной палате, наблюдая, как сестра делает ему перевязку, он спросил доктора:

— Когда повязки снимут, смогу я играть на пианино?

— Думаю, что да. — кивнул доктор.

— Ну и чудеса, доктор, — был ответ. — а раньше я не играл.

ДОСТОЙНАЯ ОТПОВЕДЬ

— Вы хотите обучать сына музыке? Но послушайте, у него же нет слуха! — говорит старенький педагог величественной даме.

— Мой ребенок должен играть, а не слушать музыку! — парирует разгневанная дама. ■

Крутозор

10(331) октябрь 1991 г.
Год издания 1964

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЛИТЕРАТУРНО-
МУЗЫКАЛЬНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАТЕЛЬ
ГОСТЕЛЕРАДИО
1991 г.

На первой странице
обложки —
итальянская
кинозвезда
Софи Лорен
Фото
И. Гнвашева

Пластинки
изготовлены
Всесоюзной
студией грамзаписи
фирмы «Мелодия»
и ГДРЗ.
Кассеты
тиражированы
СП «Интертап».

Сдано в набор
14.08.91.

Подл. к печ. 26.08.91.
Формат 84 x 108^{1/2}.
Бумага офсетная.
Офсетная печать.
Усл. п. л. 1,68.
Уч.-изд. л. 3,50.
Усл. кр.-отт. 6,30.

Тираж с пластинками
100 000 экз.
Тираж с кассетами
10 000 экз.
Зак. № 812.
Цена 2 р. 30 к.
(с пластинками).
Типография
издательства
«Правда».
125865, ГСП,
Москва, А-137,
ул. «Правды», 24.

Адрес редакции:
113326, Москва,
Пятницкая, 25,
«Крутозор».
Телефон редакции:
241-67-67.

Главный редактор
Б. М. ХЕССИН.
Редакционная
коллегия:
Е. М. ВИНУКОВ,
М. А. ЗАХАРОВ,
С. П. КАПИЦА,
А. Г. ЛУЦКИЙ,
О. П. МЕЛЬНИКОВА,
Р. В. ПАУЛС,
Т. С. ПЛИСОВА,
Ю. М. ПОЛЯКОВ,
М. М. РОЩИН,
Н. В. ЩУЧКИН,
А. Я. ЭШПАИ.
Технический
редактор
Л. Е. Петрова.

«Очень жаль мне тех, которые не бывали в Евпатории», — сказал когда-то В. В. Маяковский. А я осмелюсь пожелать тех, кто не побывал там на открытии музыкального фестиваля «Песни моря-91».

У кого не замирает от восторга душа, когда играет духовой оркестр, да еще военных моряков. И песни звучат все такие любимые с детства. А ведь трудно удивить курортную публику Крыма в сезон. Какие только знаменитости не приезжают сюда летом, но такого наплыва Мастеров эстрады с большой буквы, которых собрал II Всесоюзный фестиваль «Песни моря», Евпатория еще не видела. Это Ю. Богатилов и Е. Матвеев, Н. Кондратьев и З. Кириллова, Л. Лещенко и Н. Гнатюк, З. Рудник и Н. Романец, ансамбли Краснознаменного Черноморского флота и Одесского военного округа и еще целое созвездие новых имен. Но вернемся к открытию.

Площадь моряков в евпаторийском порту была заполнена до отказа. Пришлось разместить зрителей на борту лайнера «Николай Добролюбов». Трехчасовой концерт прошел на одном дыхании и закончился грандиозным фейерверком (такого салюта, пожалуй, не увидишь и в столице), осветившим ночной бархат южного неба разноцветными звездами. Огненными каскадами завершился каждый концерт десятидневного музыкального марафона по степному Крыму, будь то село, станция, колхозный или городской стадион.

ФЕСТИВАЛИ, КОНКУРСЫ...

В летнюю страду, в канун жатвы, как показал фестиваль, людям труда особенно нужны такие праздники.

— Спомете вместе, друзья, — обращался к многотысячному «залу», расположенному на зеленом поле, Юрий Богатилов. И в едином порыве все, от мала до велика, подхватывали песню.

— Завтра три нормы дадим, — сказал один из трактористов колхоза «Россия» после концерта, — так артистам и передайте.

— Хорошо, что к нам приехали те исполнители, которые хранят традиции советской песни. Дети не должны расти без красоты, — говорила мне жительница поселка Черноморское.

Людей труда объединила хорошая песня, а что же привело на фестиваль артистов, у которых хватает выгодных приглашений на престижные мероприятия с комфортными условиями? Ведь здесь приходилось каждый день по жаре преодолевать расстояния в 100—150 километров в душных

На восьмой звуковой дорожке вас ждет встреча с лауреатами фестиваля Танечкой Остригиной (в ее исполнении вы услышите русскую народную песню «Я на горку шла») и молодым, но уже известным и любимым в Крыму эстрадным семейным дуэтом «Лиза и Александр» (фото вверху), который исполняет песню «Незнакомая морячка» (А. Керкеши, В. Кислый)

автобусах, выступать на стадионах, мало приспособленных для концертов, возвращаться за полночь, а назавтра — снова в путь.

— Привела любовь к песне, желание дать людям радость. Нигде нет более отзывчивой и чуткой публики, чем на селе, в маленьких городках. На Украине есть такое слово «джерело», что значит «родник». Петь для простых людей — это как испить чистой родниковой воды. — таково было мнение не только молодой талантливой бандуристки и певицы Ларисы Дедюх, но и народных артистов Евгения Матвеева и Льва Лещенко.

У фестиваля «Песни моря» замечательный девиз: «Честь имею!» Думаю, что смысл, который вложили в него организаторы, — это и высокое музыкальное представительство, и бывшие некогда в почете в России понятия о чести, совести и порядочности. Вдохновитель, организатор и художественный руководитель фестиваля народный артист СССР Юрий Богатиков объяснил в интервью, что средствами музыки участники хотели бы напомнить людям о высших человеческих достоинствах. «Я верю, что они не исчезли безвозвратно, даже сейчас, когда нас захлестывают потоки всяческой «чернухи». У людей усилилось желание соприкоснуться с таким искусством, которое наполняет душу красотой и радостью. Вот мы и придумали этот фестиваль», — заключил он.

полняет чистый детский голос в раздольных и лихих, протяжных и озорных народных песнях. И как дыхания-то хватает такому хрупкому тельцу, как удается ей даже самое нежное пиано донести до дальних трибун стадиона! Четвертый месяц «работает» Таня в культурно-эстетическом центре Юрия Богатикова, хотя кавычки в слове «работает» можно бы и снять — она получает стипендию в 200 рублей, о чем говорит с гордостью. Учится в подготовительном классе музыкальной школы игре на фортепиано и, несмотря на то, что кумиры у нее Пугачева, Леонтьев и Белоусов, хочет стать только народной певицей.

II Всесоюзный фестиваль «Песни моря» завершен. Оргкомитет уже приступает к подготовке третьего с надеждой, что он, может быть, перерастет в статус фестиваля пяти морей, то есть международного. Морская «привязанность» его вполне объяснима, ибо море — это романтика, а у морских песен — всегда особый аромат. Так думают организаторы и учредители «Песен моря».

Тем отраднее было окунуться в дружескую и радостную атмосферу крымского песенного праздника. И стар и мал шли на концерты, благодарности их не было предела, а любимых исполнителей они засыпали цветами из окрестных палисадников. Пессимисты, конечно, скажут: в такое время, при наших бедствиях, опять пир во

НЕ ТОЛЬКО НА ПРИЧАЛЕ МУЗЫКА ИГРАЛА

Отличительной чертой концертов «Песни моря» было соединение профессионалов с прекрасными самодельными детскими коллективами, таким, например, как танцевальный ансамбль из Севастополя «Радость».

Зрителям повезло: самые требовательные вкусы были удовлетворены, ибо у каждого исполнителя была своя публика. А всеобщей любимицей, которая удивила и покорила сердца всех без исключения, стала пятилетняя Танечка Остригина из Ялты. Природа проявила к ней большую щедрость, соединив тонкий слух и музыкальность с артистичностью, поразительную хрупкость с выносливостью, не детские серьезное отношение к песне с очаровательной детской непосредственностью. Будто некий «вечный двигатель» сокрыт в крохотной фигурке воздушного эльфа: она приплясывает, подпевает, заводит детей в хороводы, смело выступает в дуэте со знаменитым Львом Лещенко.

Нельзя без волнения видеть, как бесстрашно она выходит на огромное зеленое поле, и все вокруг на

время чумы. Конечно, плохо мы живем, но красота и истинное искусство никогда не давали угаснуть надежде. Это хорошо понимали организаторы и спонсоры.

Первый секретарь рескома и председатель оргкомитета фестиваля Леонид Грач сказал, что в сегодняшнее тяжелое время нужно согреть душу человеку добрым, светлым, вечным, что есть у искусства. К чести организаторов и спонсоров, а ими выступили советские, хозяйственные, партийные органы города и районов, где проходили концерты, Министерство культуры Украины, Морской флот, Всесоюзная телерадиокомпания — они это поняли.

Остается только заметить, что все концерты были бесплатными. В оргкомитете шутили: «Искусство, которое принадлежит народу, должно хоть раз в году быть для него бесплатным». Почаще бы истины таких шуток становились действительностью! ■

Татьяна ПЛИСОВА
Фото О. КОЖУХОВСКОГО

Алексей Глызин, прежде чем стать «звездой», долго работал в ансамблях «Добры молодцы» и «Веселые ребята», определяя в буквальном смысле лицо (и оччень привлекательное) этих заслуженных коллективов. Но в 1988 году они вместе с барабанщиком «Веселых ребят» Виктором Чайкой затеяли новый проект — группу «Ура». Виктор написал, а Алексей исполнил несколько хитов, которые сразу выдвинули этот тандем в число лидеров советской поп-музыки.

Успех Алексея Глызина был бы невозможен без классных музыкантов группы «Ура»: Славы Воронова — бас-гитара. Севы Саксонова — клавишные, Олега Белова — гитара. Неординарный вклад в работу на этапе становления группы внес ее бывший клавишник и аранжировщик Валерий Маклаков, впоследствии приложивший руку и к знаменитому газмановскому «Эскадрону».

Ошеломляющему успеху Алексей Глызин обязан прежде всего точно вычисленному имиджу, соответствующему внешним и вокальным данным, чего не было в «Веселых ребятах», где ему приходилось преимущественно исполнять не органичные для него лирико-драматические, а лирико-игровые или шуточные песни. Точно найденный репертуар совпал с образом, и в результате на небосклоне советской поп-музыки засияла еще одна «звезда» первой величины. Сольный диск Алексея Глызина «Зимний сад» — один из последних бестселлеров фирмы «Мелодия».

Симон ОСИАШВИЛИ

КАМЕРТОН ЭСТРАДЫ

На двенадцатой звуковой дорожке в исполнении Алексея Глызина фрагменты песен «Письма издалека» (И. Крутой, И. Никитчен) и «Счастье ты мое, горе ты мое» (М. Чайка, С. Осиашвили).

12

Фото Алексея ЛИДОВА

А теперь предлагаем маленькое интервью, которое взял наш корреспондент у композитора Виктора Чайки.

Увидеть Алексея Глызина мне так и не удалось: то на гастролях, то на записях, то скривился на даче и готовится к новым записям. Узнав, что в последнее время Глызин работает постоянно с композитором Виктором Чайкой, я позвонила ему. Кроме того, что Виктор талантлив, он еще и доброжелателен, так что разговор состоялся. Привожу его полностью.

— Как давно вы знаете Алексея?

— С 1985 года. С «Веселых ребят».

— А что вас сблизило?

— Я пишу стихи. Меня привлекло то, что Алеша любит и понимает стихи.

— Как появилась первая песня?

— Это было не сразу и не просто. Только в 1988 году, когда Алешу пригласили сниматься в новомодном «Отонькв». Режиссеру не нравилось ничего из того, что предлагалось. Все уже были в отчаянии, и вдруг... «Ты не ангел». С нее все и началось.

— Скажите, Виктор, Леша — счастливый человек?

— Ровный.

— А с чувством юмора как?

— Все в меру.

— Популярность как-то отражается на нем как на человеке?

— Конечно.

— Появилась некоторая «звездность»?

— «Звездность» у Глызина — это уверенность в себе. Вот так мне кажется.

— Есть у него кумиры?

— Да, безусловно, это «Битлз», из советских артистов всегда и постоянно Алла Пугачева и Валерий Леонтьев.

— Глызин работает только «живьем»?

— Всегда. Он очень профессионален. Сказывается школа Павла Слободкина.

— Какие песни, на ваш взгляд, ему больше удаются?

— Я считаю, лирико-драматические песни.

— Что вас привлекает в Леше и что огорчает?

— Привлекает творческая честность. А огорчает то, что он не хочет петь откровенных шлягеров.

— А вы хотите написать и предложить ему что-то типа «Колдовского озера» или «Любовников»?

— Это исключено.

— Почему?

— Стыдно. И в этом мы едины. ■

АЛЕКСЕЙ ГЛЫЗИН